

Я весь изъездил шар земной и весь исколесил. И Русь всегда была со мной Зарядом гордых сил.
Сергей Васильев

К 70-летию со дня рождения поэта Сергея Васильева

ЗЕМЛЯ РОДНАЯ — РОДИНА!

Маутхаузен... Проклятое место... Фашистский лагерь смерти. Дикий голод.

Измученных людей остервенелая «стража-банда» гонит по плачу в «баню-душевую», где пленных поливают «горячим нещадным ливнем — кипятком». Потом охранники выталкивают их обратно во двор и из «длинных пожарных шлангов-рукавов» ударяют по лицам и спицам немилосердной ледяной струей. Среди тех, кто усилием воли еще удерживается на ногах под этим смертельным дождем, — Карбышев. Вот он, напрягаясь из последних сил, «взметнулся, как будто в споре на износ, отринув воду, разогнулся и очень внятно произнес:

— Бодрее, товарищи! Думайте о своей Родине, и мужество вас не покинет!..»

Жил человек, судьбы хозяин, с красивой гордой головой, а стал легендой, изваян из непогоды ветровой.

Из ветровой непогоды и... поэтического слова, добавив мы, благодарные Сергею Васильеву за его художественный памятник легендарному сыну России — генералу Карбышеву.

Создавая «Достоинство», вновь и вновь обращался Сергей Васильев к своей памяти. В тревожные осенние дни 1941 года поэт в рядах Московского ополчения ушел на фронт добровольцем. По дорогам войны он прошагал долгие месяцы как солдат, а позднее — как военный корреспондент. На фронтовых дорогах родились многие его лучшие стихи, опаленные огнем войны.

Гордись, мой друг, что ты есть сын России, сын рек ее, лесов, озер и нив.

Эти строки могли бы стать прекрасным и точным эпитафием ко всему творчеству Сергея Васильева, и, конечно, прежде всего к поэме «Достоинство».

Верность ленинским заветам, жажда знания, страсть к труду, дух братской дружбы народов, мечта о подвиге во имя Советской Родины — вот что прежде всего определяет лицо этого поколения, наследующего и продолжающего славные революционные традиции героического поколения своих отцов, открывших народам царской России путь в социалистическое будущее. Со своим, ныне легендарным поколением ему, Сергею Васильеву, предстояло пройти Отечественную войну, освободить Советскую Родину и Европу от фашистских захватчиков, встречать долгожданный День Победы. А затем, рука об руку с молодым поколением, чей трудовой путь начал свой отсчет в первые послевоенные годы, возрождать страну после гитлеровского нашествия, поднимать целину, штурмовать космос, осваивать богатства родной Сибири. Уже в довоенные годы слагалось широкое и определенное отношение к поэзии Сергея Васильева, те индивидуальные особенности его художественного стиля, которые в дальнейшем, развиваясь, станут главными для его творчества.

Личное чувство, самое сокровенное в душе поэта, рожденное в мучительных сомнениях и раздумьях, всегда

волнует тех, кто обращается к его стихам. Оно — это личное чувство — общечеловечно. Этим подлинная поэзия всегда отличалась от ремесленных поделок. Глубоко личная поэзия Сергея Васильева, особенно его лирика, с ярко выраженными чертами национального характера, интернациональна и общечеловечна в самом высоком смысле слова.

В ПОЭЗИИ ВСЕГДА виден характер мастера. У героя Сергея Васильева, олицетворяющего наш советский народ, в характере, как и у самого поэта, есть неповторимые черты, присущие многим коренным сибирякам. Очевидна стойкость души васильевского героя, его степенность, его напористость, а вместе с тем доброта и народность. Он, герой Сергея Васильева, не суетится в стихах, не производит громких, «красивых», а по сути дела, пустых фраз. Отсюда и весомость, значительность мысли поэта и его неспешная, доверительная, разговорная интонация.

Он, поэт, — не над людьми, а вместе с ними и в своих стихах. — Ну, кажется, сотворил что-то такое, что и сам не знаю. Но здорово! Вот послушай!

Радостный, возбужденный Сергей Васильев читает только что написанное им по-народному философски мудрое стихотворение «Реки-человеки». Оно — все на одном дыхании. За личной тревогой и болью в нем звучит нескрываемая озабоченность поэта людскими судьбами. С бескомпро-

миссной прямоотой размышляет он об этом:

Есть люди, похожие
очень на реки,
то бишь на Онегу, Катунь,
Селенгу.
По многим приметам они —
человеки,
однако про это — никто
ни гу-гу.
Встряхнутся. Расправят
затекшие плечи,
проверят в ладонях
надежность весла
и ринутся новой работе
навстречу
ремесла.

Это прекрасное стихотворение как выразительный и точный автопортрет самого поэта и одновременно портрет народа, советским и отзывчивым сыном которого был Сергей Васильев и с которыми всегда стремился установить самый близкий и доверительный контакт.

Поэт и у других писателей превыше всего ценил это качество. «У Михаила Исаковского», — отмечал Васильев, — был свой, железный творческий принцип: быть понятным и полезным тому, для кого он пишет». Сергей Васильев и сам руководствовался этим «железным принципом». Его стихи обращены к народу. В них все «просто». «все понятно, все на русском языке».

Сергей Васильев обладал на редкость чутким и выразительным поэтическим слухом. Его стихотворный оркестр исключительно полнозвучен. В нем прекрасно прослушиваются все «инструменты»: и широкое, могучее, ритмическое дыхание эпической поэмы, и порывисто-просветленный, а порой и взрывчатый рисунок стихов о природе, и гу-

кий, чеканный ритм баллады, и мелодичный распев многоголосой песни, и веселый плясовой ритм частушки.

Демократизм, народность Сергея Васильева — и в песенном ладе его души. Вскоре после войны буквально вся страна запела одну из известнейших и ныне васильевских песен — «Дорожную», с ее раздольным, звонким припевом:

Любимая, знакомая,
Зеленая, бескрайняя,
Земля родная — Родина!
Привольное житье!
Эх, сколько мною езжено,
Эх, сколько мною видено,
Эх, сколько мною пройдено —
И все вокруг мое!

Словно на крыльях, полетела эта величальная песня над Родиной, только что разгромившей лютого врага — фашизм. Она была обращена к сердцу народа-победителя, к сердцу каждого, кто был причастен к этой великой победе, — и стала народной.

В стихах Сергея Васильева слышится явственно доброе кольцо цокское и никитинское начало и, пожалуй, всего сильнее — могучие отзвуки некрасовской музыки. Оказали свое определяющее влияние на Сергея Васильева, как в пору становления его таланта, его партийного мировоззрения, так и в годы расцвета его поэзии — Владимир Маяковский и Демьян Бедный, Александр Блок и Сергей Есенин. Поэт неоднократно подчеркивал это в стихах, статьях и выступлениях. В лучших своих поэмах и стихах Сергей Васильев не повторяет, не копирует великих предшественников — классиков XIX века и советской литературы. Наследу-

я святые гражданские и художественные традиции, Сергей Васильев в своих глубоко партийных стихах рассказывает о России, возрожденной Лениным, Октябрем, коммунистами.

Только любя свой народ, свою Родину, можно стать действительно интернационалистом. Поэзия Сергея Васильева — убедительный тому пример. Сколько в его стихах чувства неушимо братской дружбы народов, сколько сыновней гордости их революционным прошлым, сколько восхищения их ратными и трудовыми победами в годы Советской власти.

Символический и полон глубокого смысла тот примечательный факт, что ныне есть улица имени Сергея Васильева и в родном городе поэта — Кургане, и в Баку.

Сергей Васильев неоднократно приезжал в Азербайджан. Ведь именно он, Сергей Васильев, столь талантливо и дерзко впервые перевел на русский язык стихи классика азербайджанской поэзии — Сабира.

«Сабир для меня, — убежденно писал Сергей Васильев, — азербайджанский Некрасов и азербайджанский Крылов одновременно».

В стихотворных переводах «печальника нации» Сабира за сверкал новыми гранями общепризнанный при жизни сатирический талант Сергея Васильева.

С УДЬБА БЫЛА на редкость благосклонна к Сергею Васильеву, щедро одарив его талантом стихотворца.

Он смог создать произведения и лирические, и эпические, и сатирические, которые сейчас широко известны. Выше говорилось о Васильеве — мастере такого монументального жанра, как эпическая поэма.

Предположим теперь, что в наследии поэта были бы лишь одни его литературные пародии и эпиграммы. В этом случае Сергей Васильев вошел бы по праву в историю советской литературы наряду с таким маститым автором пародий, как Архангельский. Вспомним сказанное А. Фадеевым: «При наличии ряда талантливых авторов в этой области С. Васильев пока что не имеет себе равных». Слова эти справедливы и сегодня.

Допустим, что нам известны только песни Сергея Васильева. И в этом случае мы вполне законно отвели бы Васильеву достойное место среди наших поэтов-песенников, таких, как Лебедев-Кумач или Алексей Фатьянов. Хорошо известно, что жанр песни был лишь одной из многих «забот» Сергея Васильева.

Представим далее, что всю жизнь Сергей Васильев выступал только как поэт-сатирик и в его наследии имеются лишь сатирические стихи. Он по праву считался бы одним из наших замечательных поэтов-сатириков.

Такие книги, как «Проза про поэзию» и особенно «Зарубки на память», позволяют во весь голос говорить о Васильеве-критике, в высшей степени принципиальном и пронзительном, тонко чувствующем художественную плоть и стиха, и прозы.

Все это вместе взятое и делает художественное наследие Сергея Васильева — выдающегося русского поэта — по-своему неповторимо-уникальным в советской многонациональной литературе.

Юрий ПРОКУШЕВ.